

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

— 274 —

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

годъ XIX.

№ 14

ЮЛЯ 15.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ШЕСТУЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ, ГОВО-
РЕННОЕ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЗНАМЕНСКОМЪ МОНА-
СТЫРѢ, ПО СЛУЧАЮ ПОМИНОВЕНІЯ ПОЧИВАЮЩАГО
ВЪ ВОЗѢ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ И В. КНЯЗЯ МИХАИ-
ЛА ѲЕОДОРОВИЧА И РОДИТЕЛЕЙ ЕГО.

*И се принесоша Ему раз-
слаблена жилими, на одръ ле-
жаща: и видѣвъ Иисусъ въру ихъ,
рече разслабленному: дерзай, ча-
до, отпущаются ти грѣси твои.
Матѣ. 9. 2.*

Вотъ случай въ земной жизни Христа Спасителя, когда
Онъ преподалъ исцѣленіе больному, разслабленному человѣ-
ку, не спрашивая предварительно вѣры его, не ожидая
просьбы. Одной вѣры тѣхъ лицъ, которыя принесли разслаб-
леннаго къ ногамъ Господа, оказалось достаточно не только
для исцѣленія его отъ недуга тѣлеснаго, но и для дарова-
нія ему прощенія грѣховъ. Кто были эти люди, принесшіе
больнаго, — близкіе его родственники, или друзья, или посто-

роніе—сострадательные люди,—ктобы они ни были, во всякомъ случаѣ вѣра ихъ весьма замѣчательна и достойна подражанія. И мы, христіане, должны имѣть такую великую и сильную вѣру, которая не ограничивалась бы кругомъ только собственныхъ нуждъ нашихъ и потребностей, но простиралась бы далеко внѣ насъ—на потребности и нужды ближнихъ нашихъ.

Опыты прошедшихъ вѣковъ, дѣйствительно, представляютъ намъ поразительные примѣры такой живой, чудодѣйственной вѣры, которая, развиваясь сначала въ сердцахъ немногихъ лицъ, переходила отъ нихъ на большія общества, творила чудеса мужества, храбрости, воодушевляла цѣлые народы и Богоданною ей силою спасала отъ разслабленія и много-недужности цѣлыя государства. Изъ многихъ таковыхъ примѣровъ укажемъ на тотъ, который какъ бы самъ собою приходитъ на мысль нашу, по случаю праздника нашего. Нынѣ мы совершаемъ память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина. Это день тезоименитства почивающаго въ Бозѣ благочестивѣйшаго Государя земли Русской Михаила Феодоровича Романова, родоначальника Царствующей Династїи.

Вспомнимъ, братъ, что было съ народомъ Русскимъ передъ началомъ царствованія этого приснопамятнаго Государя? Смятенія и крамолы внутри, нападенія со внѣ; отъ вельможей, высокопоставленныхъ до послѣдняго поселяннина всѣ были въ страхѣ и трепетѣ; недоумѣвали, что дѣлать,—какъ выгнать изъ затруднительныхъ обстоятельствъ; весь государственный организмъ сталъ разслабленнымъ, недужнымъ и болѣзненнымъ. Всякому постороннему наблюдателю могло казаться, что умереть народъ Русскій,—исчезнуть съ лица земли его самостоятельная политическая жизнь. И что же видимъ? Господь утѣшалъ, исцѣлилъ и укрѣпилъ разслабѣвшій и, дѣйствительно, приблизившійся къ своему разложенію народъ! По какому же закону совершилось это

чудо? По тому же, по которому произошло исцѣленіе воспоминаемаго нынѣ въ Евангеліи разслабленнаго. Господь увидѣлъ великую вѣру немногихъ избранниковъ земли Русской, которые, усердно молясь за себя, не менѣе искренно и усердно молились и за всѣхъ своихъ соотечественниковъ, — молились за тѣхъ, которые сами среди тревоженій и смуть тогдашняго времени теряли способность молиться, впадали въ малодушіе, безнадежность и отчаяніе. Эти-то великіе избранники были посредниками между Всемогущимъ Богомъ и малодушнымъ, потерявшимъ твердую вѣру и упованіе, народомъ. Не много ихъ было, но они сдѣлали свое великое дѣло: сблизили своими подвигами съ благодатію Божіею народъ Русскій, воодушевили его и спасли. Намъ сладостно произносить имена ихъ. Это наши достославные герои вѣры и образцы любви къ отечеству: Патріархъ Гермогенъ, представители Троицко-Сергіевой Лавры Архимандритъ Діонисій, Авраамій Палицынъ и, смѣемъ прибавить, приснопамятные родители Государя Михаила Феодоровича Патріархъ Филаретъ Никитичъ и великая Инокія Марѳа Ивановна, съумѣвшіе воспитать въ духъ правой вѣры и благочестія своего державнаго сына, предназначеннаго Божіимъ Промысломъ быть Царемъ Россіи. Великіе подвиги этихъ незабвенныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ тогдашнему спасенію Россіи, извѣстны всякому русскому, любящему исторію своего отечества. Мы не станемъ здѣсь распространяться о нихъ, а перейдемъ отъ временъ прошедшихъ къ настоящему нашему времени. Въ какомъ состояніи теперь наше отечество? Совнѣ оно процвѣтаетъ; нѣтъ у него такихъ опасныхъ враговъ, какіе были въ началѣ 17 вѣка; предѣлы его расширяются болѣе и болѣе. Но что видимъ внутри его? Страшныя язвы, недуги и крайнее разслабленіе его духовной жизни. Прежде бывало на Руси малодушіе, маловѣріе; а нынѣ появились зловѣщіе признаки совершеннаго бездушія, полнаго невѣрія; это, можно сказать, уже не разслабленіе, а какъ-бы начинающаяся

смертная агонія духовной стороны русскаго человѣка. Что же будетъ далѣе съ нашимъ отечествомъ? Пройдетъ ли само собою это печальное, достойное горькихъ слезъ состояніе его? Нѣтъ! Само собою оно никакъ не можетъ пройти. Случайнаго, безпричиннаго ничего не бываетъ въ мірѣ. Были и доселѣ дѣйствуютъ въ Россіи причины великихъ ея бѣдствій. Надобно для спасенія ея воздѣйствовать причинамъ противоположнымъ; пусть великодушіе и горячее участіе къ отечеству станетъ на мѣсто гибельнаго равнодушія и холоднаго невниманія къ судьбамъ его, особенно пусть твердая вѣра замѣнитъ собою невѣріе. Намъ, бр., стоящимъ еще подъ знаменемъ вѣры, предстоитъ подвигъ, подобный тому, который совершили упомянутые нынѣ достославные предки наши. Мы должны развить въ сердцахъ своихъ такую великую благодатную силу, чтобы ею повліять на всѣхъ соотечественниковъ, страждущихъ и какъ бы совсѣмъ умирающихъ отъ невѣрія. Мы призываемся подражать тѣмъ сердобольнымъ друзьямъ разслабленнаго, о которыхъ говоритъ нынѣ Св. Евангеліе. На насъ вѣрующихъ лежитъ святая и сладостная обязанность своими усердными молитвами, силою св. убѣжденія и примѣромъ своей истинно-христіанской доброй жизни привлечь, приблизить ко Христу Богу разслабленныя, приблизившіяся къ духовной смерти души многихъ отпадшихъ нашихъ братій, и отъ всего сердца возопить ко Господу: Господи, исцѣли, оживвори и спаси ихъ!... Для воодушевленія себя на такой подвигъ вѣры и молитвы и благочестивой жизни, вспомнимъ, что мы будемъ ходатайствовать и имѣть попеченіе о братіяхъ нашихъ не одни. Прежде насъ давно уже началъ и продолжаетъ этотъ спасительный подвигъ цѣлый сонмъ Святыхъ Божиихъ какъ нашихъ русскихъ, такъ и вселенскихъ потому, что мы члены Св. Апостольской, Вселенской церкви, — этотъ великолѣпный сонмъ небесныхъ молитвенниковъ, имѣя во главѣ Матерь Божию — молится горячо, пламенно Спасителю Богу, — сохра-

нить, укрѣпить и спасти какъ православную вѣру въ землѣ Русской, такъ и святую, благоговѣйную жизнь сыновъ ея. Взирая окомъ вѣры на этихъ чудныхъ предстателей нашихъ, воскликнемъ изъ глубины душъ нашихъ: *Боже отецъ нашихъ, творяй присно съ нами по твоей кротости, не отстави милость твою отъ насъ, но молитвами ихъ въ миръ управи животъ нашъ. Аминь!*

Епископъ Макарій.

СВ. ТИХОНЪ,

КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

(Продолженіе).

Св. Тихономъ было уничтожено празднество, «Ярилѣ». Что это за праздникъ? Въ среду или пятницу послѣ праздни ка св. Троицы народъ, по общему согласію, выходилъ за московскія ворота на площадь, (по мнѣнію другихъ для празднованія Ярилѣ собирались на Тернов. полянѣ гдѣ нынѣ церковь.) На этой площади къ празднику Ярилы устраивались разные шалаши для торговли оапитками, съѣстными припасами и лакомствами. Въ день открытія празднества одинъ изъ молодыхъ парней украшался съ ногъ до головы разноцвѣтными лентами, цвѣтами и колокольчиками, на голову надѣвалъ бумажный колпакъ, раскрашенный и унизанный лентами, лицо ему румянили, а въ руки давались колокольчики. Въ такомъ видѣ ходилъ по площади, онъ возбуждалъ всѣхъ къ неистовству и называли его Яриломъ. Между прочимъ народъ, городской и сельскій, по старинному обычаю, готовился къ этому дню, какъ будто къ какому великому празднику и, собравшись на площадь, устраивалъ пляски, пьянство, кулачный бой, безчинство и развратъ. Поэтому понятно, — для благодѣтельной души Святи-

теля этотъ праздникъ казался самымъ пагубнымъ для нравственнаго состоянія его пасомыхъ, тѣмъ болѣе, что на это празднество сходились люди старые и малые, отцы, матери и дѣти, юноши и дѣвицы. Святитель хотя и просилъ свое духовенство удерживать пасомыхъ отъ такого безобразія, но это не произвело желаннаго дѣйствія. Поэтому, въ 1765 г., онъ лично явился на празднество и, вѣхавъ въ самый центръ разгула, началъ свое обличительное слово. Хотя многіе успѣли скрыться съ площади при видѣ Святителя, но все-таки онъ дождался того, что въ присутствіи же его были разломаны всѣ торговые шалаши. Мало этого, на другой день онъ созвалъ градскихъ священниковъ и именитыхъ гражданъ г. Воронежа и опять обратился къ нимъ съ рѣчью по поводу возмутительнаго празднества. Наконецъ, чрезъ недѣлю произвесь публично рѣчь въ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ которой обращался не только къ священникамъ, но и къ военачальникамъ, отцамъ и матерямъ, господамъ, старшимъ гражданамъ и пр. Онъ даже приказалъ переписать всѣхъ бывшихъ на этомъ празднествѣ и обязать подпискою впредь не устраивать его, а иначе грозилъ архіерейскимъ запрещеніемъ и отлученіемъ отъ церкви (6 июня 1765 г.). Благодаря всему этому былъ навсегда уничтоженъ праздникъ Ярилы въ Воронежѣ. Не мудрено, что такая кипучая дѣятельность, такое напряженное состояніе произвели не малый ударъ, какъ на физическое здоровье Святителя, такъ и на его душевное состояніе. Онъ глубоко понималъ и всегда помнилъ, что пастырь долженъ отдать отвѣтъ своему Пастыреначальнику за пасомыхъ и поэтому за своихъ пасомыхъ онъ душевно страдалъ. Въ Воронежск. епархіи тогда много было раскольниковъ. Желая сохранить своихъ пасомыхъ отъ уклоненія въ расколъ, Св. Тихонъ требовалъ отъ священниковъ, чтобы они ежегодно заставляли своихъ прихожанъ исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ. Далѣе, благословляя на путешествіе богомольцевъ, онъ давалъ имъ совѣтъ, какъ избѣжать уклоненія отъ православія при разговорѣ съ раскольни-

комъ; напр., говорить имъ такъ: „я вѣрую такъ, какъ содержать и скажетъ Св. мать наша, Церковь»; если же послѣдуетъ вопросъ о церкви, какъ она „содержитъ и приказываетъ содержать вѣру“, то отвѣтъ на это давать такой: «какъ мы вѣруемъ и содержимъ». Этимъ отвѣтомъ, говоритъ Святитель, всякой секты раскольникъ, какъ песь цалкою будетъ отраженъ отъ васъ, а вы соблюдете свою приверженность, глубочайшую преданность и повиновеніе Св. Церкви, какъ вѣрнѣйшая чада матери своей, пекущейся о спасеніи душъ вашихъ». Вотъ, напр., что пишетъ объ этомъ одинъ изъ его келейниковъ: „онъ горько оплакивалъ заблужденія многообразныхъ сектъ раскольническихъ и не могъ терпѣть ихъ ожесточенія. Мнѣ самолично случалось слышать увѣщанія его нѣкоторыхъ изъ донскихъ казаковъ, придерживавшихся раскольнической секты. Въ минувшемъ 1778 или 9 году пріѣзжаютъ они къ нему и съ нимъ священникъ Аксайской станицы, отецъ Василій; вѣруя и повинуюсь увѣщаніямъ пастыря, котораго и они читали, присоединились они Св. Церкви и хотѣли возвратиться обратно въ свои дома на Донъ. Но Преосвященный, для лучшаго удостовѣренія ихъ, присовѣтовалъ имъ съѣздить въ Св. Стволь и къ Гавріилу, митрополиту Новгородскому. Священникъ съ ними и ѣздилъ. Возвратясь оттуда съ совершенною преданностію къ Св. Церкви, изъявляли они ему свою благодарность. (Зап. Ив. Евфимова).

Не ограничиваясь административною дѣятельностію въ вѣренной ему епархіи, Св. Тихонъ отличался широкою благотворительностію людямъ бѣднымъ и нищимъ, для которыхъ къ нему былъ всегда свободный доступъ. Это занятіе было для него самымъ излюбленнымъ и пріятнымъ дѣломъ. Въ праздники онъ самъ лично посѣщалъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, жившихъ въ богадѣльняхъ и т. п. Но при этомъ Святитель обыкновенно желалъ скрывать свою личность и поэтому являлся даже просто или въ видѣ послушника, или простаго монаха, какъ бы посланнаго отъ архіерея.

Иноческіе подвиги, пастырскіе труды и заботы по епархіи и бывшія вслѣдствіе этого немалыя огорченія, наконецъ, совершенно разстроили и до этого уже слабое здоровье Святителя, такъ что онъ рѣшилъ въ третій разъ просить объ увольненіи отъ управленія епархіей. Онъ послалъ прошеніе прямо на имя Императрицы. И дѣйствительно, 3 января 1768 г. Святитель получилъ указъ Св. Синода объ увольненіи его отъ управленія. Въ силу резолюціи Императрицы Св. Тихонъ долженъ былъ поселиться въ одномъ изъ монастырей Воронежской епархіи по его собственному выбору и получать пенсію въ размѣрѣ 500 рублей.

Получивъ указъ изъ Св. Синода объ увольненіи на покой, Святитель съ радостію воспользовался дарованнымъ ему правомъ выбора мѣста для своего покоя. Дѣйствительно, онъ удалился въ уединенный монастырь Толшевскій въ 40 верстахъ отъ Воронежа. Монастырь этотъ устроенъ среди густаго лѣса. Около него протекаетъ рѣка Усмань. Здѣсь-то, вдали отъ городской жизни, и думалъ Святитель поправить свое здоровье и вполне предаться богомыслію. Онъ занялъ здѣсь небольшую келью, которая и по сіе время показывается богомольцамъ. Но не суждено было Святителю здѣсь жить долго по причинѣ болотистыхъ мѣстъ и вредныхъ испареній весною отъ протекавшей рѣки. Поэтому Святитель переѣхалъ въ Задонскъ, гдѣ климатическія и другія мѣстныя условія болѣе благоприятствовали его здоровью.

Поселившись въ Задонскомъ монастырѣ, Святитель сталъ чувствовать большую крѣпость силъ. Теперь его пылкая душа и ревностное стремленіе къ труду вдругъ вызвали въ немъ сожалѣніе, что онъ мало потрудился для общей пользы, и даромъ пользуется пенсіей. Поэтому ему хотѣлось опять взять на себя оставленное бремя для совершенія своихъ благихъ и неоконченныхъ еще начинаній. Онъ даже писалъ объ этомъ архіеписк. Гавріилу, первенствовавшему члену въ Св. Синодѣ и въ отвѣтъ получилъ приглашеніе переселиться въ Валдай-

скій Иверскій монастырь съ правомъ управленія этимъ монастыремъ. Долго онъ колебался о выѣздѣ изъ Задонска но послѣ сдѣланнаго ему выговора отъ одного юродиваго святитель рѣшился навсегда остаться въ Задонскѣ «хоть умру, сказалъ онъ но не поѣду отсюда!» Вообще въ грустномъ расположеніи духа, по оставленіи епархіи, Святитель часто укорялъ себя, но послѣ самъ призналъ всѣ грустныя свои думы искушеніемъ, освободился отъ нихъ только молитвами и очень живо описалъ ихъ въ сочиненіи «Сокровище духовное отъ міра собираемое», въ статьѣ „Вода мимотекущая“. Живя на покоѣ, Святитель началъ вести строгую иноческую жизнь. Все, что изъ его имѣнія казалось ему лишнимъ, онъ отдавалъ бѣднымъ; въ келейномъ убранствѣ кромѣ изображенія Спасителя на крестѣ, ничего не было. Ночью Святитель спалъ только четыре часа, а остальное время проводилъ въ молитвѣ; ежедневно посѣщалъ почти каждую службу, самъ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Но хотя онъ былъ уже на покоѣ, все-таки строго слѣдилъ, чтобы въ воскресные дни читались въ церкви поученія, изданныя Св. Синодомъ. Онъ самъ любилъ читать Св. Писаніе, а иногда заставлялъ своего келейника, напр., во время обѣда. Его стремленіе предаться въ уединеніи молитвѣ и богомыслию въ настоящемъ его положеніи нашло себѣ большое удовлетвореніе. Живя на покоѣ, въ Толшевскомъ монастырѣ, онъ часто по ночамъ обходилъ церковь монастырскую и предъ каждымъ дверью храма клалъ земные поклоны; иной разъ надолго останавливался, находясь постоянно въ богомыслии. Въ Задонскомъ монастырѣ Святитель не переставалъ выполнять любимыя свои занятія. То онъ съ молитвою идетъ на прогулку въ монастырскій садъ или за монастырь, то онъ рубить дрова или копаетъ гряды съ пѣніемъ псалмовъ, или же въ зимнее время онъ съ келейникомъ ѣдетъ въ дѣсь рубить дрова, а на пути замѣчается объясненіемъ какого-либо текста изъ Св. Писанія, или беретъ темою для назиданія какой-либо астрѣтившійся предметъ. Св. Тихонъ иногда посѣщалъ нѣкоторыхъ сосѣд-

нихъ помѣщиковъ. Въ своемъ уединенномъ богомыслии онъ иногда такъ углублялся, что не слышалъ ничего, что дѣлается вокругъ его, а поэтому приказывалъ келейникамъ своимъ, чтобы, подходя къ нему, напередъ покашляли. Однажды въ такой моментъ келейникъ, подходя къ Святителю, покашлялъ, но Святитель, стоя на колѣняхъ съ поднятыми къ небу руками, не слышалъ кашля. Тогда келейникъ, подойдя къ нему, сказалъ: „Ваше Преосвященство!“—и Святитель настолько былъ испуганъ, что на немъ выступилъ потъ. «Я тебя говорилъ, сказалъ онъ—чтобы ты покашлялъ». Келейникъ отвѣчалъ, «что я такъ дѣлалъ». „Ну, я не слышалъ“. Его келейникъ передаетъ и такой случай съ Святителемъ: однажды во время сочиненія книги „Объ истинномъ христіанствѣ“, когда, слѣдовательно, умъ его погружался въ тайны спасенія, Святитель, сидя на кровати, противъ которой висѣло изображеніе на крестѣ Спасителя, размышлялъ о страданіяхъ Его и до того углубился въ это созерцаніе, что ему представилось, будто отъ иконы, какъ бы съ Голгофы, идетъ къ Нему Христосъ Спаситель, весь израненный, изъязвленный, измученный и окровавленный. Восхищенный такимъ видѣніемъ, полный глубокой скорби и печали, а вмѣстѣ и благоговѣннаго трепета, Св. Тихонъ бросился на полъ, распростерся предъ иконою, какъ бы у ногъ Спасителя, и громко воззвалъ: „и Ты-ли, Спасителю, грядеши ко мнѣ“. Пришедши въ себя, Святитель оказался лежащимъ на полу. Съ этого времени (1771—1774 г.г.), онъ сталъ еще чаще размышлять о страданіяхъ Спасителя. (Зап. Ив. Евфимова). При постоянномъ и усердномъ занятіи богомысліемъ, Св. Тихонъ еще при жизни сподобился нѣкотораго откровенія ему отъ Бога. Онъ просилъ Господа показать ему день кончины и, дѣйствительно, въ видѣніи ему было сказано: „въ день недѣльный (т. е. въ Воскресенье) будетъ кончина твоя“. Еще разъ, во время посвѣщенія Толшевскаго монастыря, Святитель по обыкновенію пошелъ ночью къ храму для богомыслія и просилъ Бога:

„покажи мнѣ уготованное любящимъ Тебя“. И вотъ, онъ видитъ: небо какъ бы отверзлось, и возсіялъ свѣтъ, озарившій весь монастырь, при чемъ слышенъ былъ голосъ: «виждь уготованное любящимъ Бога». Отъ этого небеснаго видѣнія онъ палъ на землю и, когда видѣніе кончилось, отъ страха и сладости сердечной онъ едва могъ дойти до келліи. (Зап. Чеботарева и Ив. Ефимова).

Хотя Святитель оставилъ кафедру для «покоя», однако его душа жаждала дѣятельности, его духъ стремился въ общество непросвѣщенной о Христѣ братіи. Ревнуя о религиозно-нравственномъ просвѣщеніи бывшихъ своихъ пасомыхъ, Святитель и на покой остался тѣмъ же труженникомъ въ этомъ дѣлѣ, какимъ былъ и на епархіи. Онъ продолжаетъ писать краткія нравоучительныя слова для бывшей своей паствы. Мало этого,—онъ сталъ переписываться со многими своими знакомыми. Такія сочиненія носятъ названіе писемъ „посланныхъ“. Они служатъ или продолженіемъ бывшей устной бесѣды, что видно даже изъ начала нѣкоторыхъ писемъ, напр.: «вотъ тебѣ и о второмъ пришествіи Христовомъ, о которомъ мы, какъ ты у меня былъ, разговаривали вкратцѣ, посылаю» (22-е письмо), или же это были письменные отвѣты на нѣкоторые вопросы. Но кромѣ этого Святитель оставилъ отъ этого періода своей жизни много «писемъ келейныхъ», содержаніемъ которыхъ болѣею частію служатъ размышленія догматическаго и нравственнаго характера. Къ этому же періоду его жизни относятся капитальныя его сочиненія: „Объ истинномъ христіанствѣ“ въ шести томахъ и «Сокровище духовное, отъ міра собираемое» въ четырехъ частяхъ. Насколько эти два сочиненія, какъ сочиненія нравоучительнаго характера соприкасаются съ проповѣдью и насколько они могутъ служить образцами для проповѣди и пособіями для ней, объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Живя на покой, Святитель заботился о внутреннемъ преуслѣяннн людей не только посредствомъ письма, но и по-

средством живаго слова. Съ этою цѣлю онъ то къ себѣ принималъ жаждавшихъ правоученія, то самъ навѣщалъ нѣкоторыя семейства. Всѣ труды и подвиги для слабаго здорovia Святителя не могли пройти безслѣдно. Хотя въ немъ духъ и былъ крѣпокъ, но плоть его была немощна. Послѣ многихъ тяжкихъ и благотворныхъ трудовъ, послѣ усиленной и полезной дѣятельности для своихъ пасомыхъ, смиренный Святитель отъ изнеможенія тѣла скончался 13 августа 1783 г., оставивъ послѣ себя плоды своихъ трудовъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ. Умеръ онъ на рукахъ одного изъ своихъ келейниковъ и «смерть его была такъ покойна, какъ будто онъ заснулъ».

Вышеизложенныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Святителя Тихона достаточно для того, чтобы понять духъ и смыслъ его проповѣдей. Теперь будетъ рѣчь о его проповѣднической дѣятельности. Здѣсь предстоитъ рѣшить слѣдующіе вопросы: какія цѣли преслѣдовалъ Святитель въ своихъ словахъ, къ какому типу проповѣдниковъ слѣдуетъ отнести Святителя Тихона и насколько его проповѣди могутъ занимать видное мѣсто въ наше время?

II.

Св. Тихонъ былъ по преимуществу учителемъ христіанской нравственности. Но при этомъ онъ старался быть не ученымъ изслѣдователемъ началъ христіанской морали, а простымъ проповѣдникомъ Евангелія для простыхъ людей. Впрочемъ, онъ въ своихъ проповѣдяхъ, поученіяхъ и частныхъ бесѣдахъ предлагаетъ уроки жизни духовенству, монахамъ и мірянамъ, образованнымъ и не образованнымъ. Какъ мудрый духовный пастырь, Св. Тихонъ примѣняется къ нравственнымъ потребностямъ всѣхъ лицъ, которые или обращались къ нему за совѣтами, или просто жаждали слышать изъ устъ его душеспасительное правоученіе. Поэтому, въ частныхъ бесѣдахъ съ народомъ или лицами другихъ сословій Святитель

главнымъ образомъ старался узнать нужды и потребности своихъ собесѣдниковъ, чтобы потомъ предложить имъ соответствующее врачевство противъ дознаннаго нравственнаго недуга. Руководимый не какими либо земн. разчетами, а единственно „пользою“ и «спасеніемъ», Святитель говорить только о томъ, что необходимо и полезно знать человѣку для христіанской жизни, и при изложеніи своего ученія, будетъ ли выражаться оно посредствомъ слова или поученія или въ другія какой формѣ, онъ слѣдуетъ не правиламъ и указаніямъ школы относительно риторическихъ приемовъ, но всегда тому естественному порядку, какой указывается ходомъ и теченіемъ нравственной жизни и дѣятельности. При этомъ Святитель заботился болѣе всего о томъ, чтобы всё его понимали.

Св. Тихонъ не много оставилъ словъ послѣ себя. О количестве ихъ келейникъ его замѣчаетъ, что „епаршескихъ сочиненій преосвященнаго мало, потому что, какъ я отъ него слышалъ (т. е. отъ Святителя), онъ многократно говаривалъ проповѣди, не вынося на бумагу; потому и мало ихъ“. (Зан. Ив. Евфимова. Примѣч. къ 5 т. Твор. Св. Тихона). Его проповѣди дѣлятся прежде всего на слова, говоренныя къ паствѣ «числомъ 12 по послѣднему изданію и на краткія правоучительныя слова» числомъ 28. Изъ этого числа его словъ нельзя выдѣлить ни строго догматическихъ, ни строго нравственныхъ поученій, какъ это видно будетъ ниже, потому что они заключаютъ въ себѣ и тотъ и другой элементъ неразрывно. Есть у него слова на дванадцатые праздники: на Рождество Христово, на Воздвиженіе Честнаго Креста (дно.) на Введеніе во Храмъ Пресв. Богородицы (два,) на Успеніе—одно и остальные на разные случаи, напр., на освященіе храма во имя Ап. Петра и Павла, въ день тезоименитства Императрицы Екатерины II и пр.; два увѣщанія: одно о празднованіи сырной недѣли, другое—увѣщаніе жителямъ Воронежа объ истребленіи празднества «Ярилы».

Какой же предметъ былъ общимъ для словъ Св. Тихона?

постоянно анимали его умъ и возвышенными чувствованіями наполняли его сердце. Постоянное памятованіе о величїи и вездѣущїи Божїемъ, о промышленїи, объ искупленїи, о достоинствѣ души человѣческой (о благородствѣ ея), о силѣ грѣха, его послѣдствїяхъ и т. под., — вотъ главнѣйшіе предметы проповѣди Святителя. Какъ въ письмахъ, такъ и въ живомъ словѣ Св. Тихонъ старался внушить, что наша жизнь должна согласоваться съ предписанїя мизакона Божїа. „Исполняя его, мы получаемъ вѣчное спасеніе. Къ вѣчному животу мы отъ Бога позваны и въ святомъ крещенїи обновлены; сего единаго усердно ищемъ къ которому позваны.“ (II письмо изъ «посланныхъ»). Вопросъ о средствахъ спасенїа есть самый важный въ глазахъ Святителя. «Желаю я вамъ, какъ и себѣ, спастися о Христѣ; ибо сіе едино есть на потребу, по Господню словеси». (Тамъ-же). Такъ какъ мысль о спасенїи постоянно занимала умъ и сердце Святителя, то она же имѣеть преобладающее значеніе и во всѣхъ его бесѣдахъ. Считая существомъ Христовой мудрости жизнь по вѣрїи въ Христа, онъ въ силу этого старался исключительно раскрывать обязанности обновленнаго въ св. крещенїи Христіанина. Но при этомъ онъ уясняетъ не одну какую—либо добродѣтель отдѣльно взятую, сводя всѣ свои мысли къ ней одной, но обнимаетъ и раскрываетъ всѣ общїя обязанности человѣка — христіанина. Замѣчено было выше, что умъ и сердце Святителя постоянно были заняты размышленїемъ объ истинахъ догматическаго характера. Это отразилось и въ его поученїяхъ. Если Св. Тихонъ объяснялъ какой—либо догматъ, то старался возбудить болѣе религіозно-нравственное чувство въ слушатель, подвигнуть его умъ, сердце и волю къ нравственному убѣжденїю въ истинѣ догмата. Таково, напр., его слово «о спасительномъ Божїемъ къ роду человѣческому смотрѣнїи». Но раскрывая тотъ или другой догматъ, Святитель никогда не задается глубокимъ ученнымъ анализомъ, а принимаетъ его вѣрою и чистымъ серд-

цемъ. О таинствѣ Пресв. Троицы, Св. Евхаристіи и о прочихъ—писать оныя—также, что не открыто въ Св. Божиѣмъ Словѣ, и что открыто, но понять не можемъ, любопытно не испытывай, да не въ сѣть дьявольскую впадеши, и въ ней запутаешися и изйти изъ нея не можеша, и тако погибнеша. Ибо что вѣры единой требуетъ, и разумъ нашъ превосходить, то испытывать очень опасно. Берегись убо испытывать то, что выше тебя. Вѣруй во всемо тоже, какъ Св. Церковь вѣруетъ. Сей есть путь безопасный. (Наставл. христіанина 21 прав.) Въ силу такого взгляда самаго Святителя на раскрытіе догматовъ, въ его поученіяхъ, строго говоря, нельзя сдѣлать разграниченія между догматическими и нравственно практическими поученіями. Въ каждомъ словѣ то и другое нераздѣльно. Пользуясь такого рода своеобразнымъ методомъ въ раскрытіи догматовъ и правилъ христіанской нравственности, Святитель хочетъ внушить христіанину, что Богъ и божественная истина, какъ непостижимыя для нашего ограниченнаго ума, должны быть не столько предметомъ созерцательнаго изслѣдованія, сколько предметомъ благоговѣнія, живой любви, покорности, преданности и благодарности къ Нему. Святитель, говоря, напр., о духовной природѣ Божества, хочетъ этимъ самымъ возбудить въ слушателяхъ поклоненіе Богу духомъ и истиною (слово «о любви къ Богу и о любви къ ближнему»); трактуя о вездѣсущи Бога, оны имѣеть въ виду внушить, чтобы каждый всегда, такъ сказать, предносилъ предъ собою невидимое присутствіе Божіе, „предзрѣлъ Господа предъ собою выну“ и чрезъ это содержалъ бы въ чистотѣ свое сердце и умъ въ чистыхъ помыслахъ. („О испытаніи самого себе“, „о подвигѣ противу грѣха“—изъ краткихъ словъ). Бесѣдуя о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ, Святитель располагаетъ всякаго къ глубокой благодарности Ему за дарованную намъ жизнь. При этомъ особенно оны оставливается на догматѣ воплощенія Господа Нашего І. Христа и искушеніи Имъ рода человѣческаго. Въ этомъ событіи

онъ научаетъ насъ видѣть не только промысленіе Божіе о насъ, но Его любовь и милосердіе къ намъ. („О усыновленіи нашемъ Богу“, «О воплощеніи сына Божія»—изъ краткихъ словъ). Что касается догмата о соединеніи двухъ естествъ въ І. Христѣ и др., то Св. Тихонъ говоритъ объ этомъ евангельскою исторіей или объясняетъ цѣль его, не вдаваясь въ подробныя уясненія («Слово о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи», «о воплощеніи сына Божія.»). Съ одной стороны онъ поставляетъ величіе Божіе со всеми Его свойствами, а съ другой—жалкое твореніе Божіе—человѣка, который не умѣетъ цѣнить всѣхъ благодѣяній благодати своего Творца и поэтому погрязаетъ въ грѣхахъ, мало заботясь о своемъ спасеніи. Святитель яркими красками рисуетъ всю тяжесть грѣха и старается возбудить въ слушающемъ чувство сердечнаго сокрушенія. Онъ часто напоминаетъ ему объ обѣтахъ, данныхъ при св. Крещеніи, о страшномъ судѣ Христовомъ, о мукахъ вѣчныхъ и о вѣчномъ блаженствѣ, чтобы этимъ послѣднимъ возбудить стремленіе къ жизни по заповѣдямъ Христа. Святитель говоритъ, что „памятуя смерть, великое спасеніе будемъ имѣть къ избѣжанію козней непріязненныхъ. А когда смерть будемъ помнить, то на умъ придетъ и судъ страшный, который по смерти слѣдуетъ... Отъ страшнаго суда двѣ дороги лежація представляются во умъ: по единой бѣдныи грѣшницы съ плачемъ, воплемъ и рыданіемъ бесполезнымъ идутъ въ муку вѣчную; по другой блаженные праведницы съ радостію неизреченною идутъ въ животъ вѣчный. Сихъ четырехъ всегдашняя память не попуститъ намъ прельщаться грѣховною сладостію“. (Слово на текстъ: „блюдайте, како опасно ходите“..). Но такъ какъ причина смерти—грѣхъ, то Святитель представляетъ особенную мерзость его. Желая объяснить, что такое грѣхъ, онъ говоритъ: «все тіи страсти, которыя особенно во всякомъ скотѣ имѣются, въ единомъ человѣкѣ находятся. Онъ гордъ и кичливъ, онъ гнѣвливъ и злобенъ, онъ завистливъ, онъ похотливъ и прихотливъ, онъ обжорливъ,

онъ чуждаго добра желателенъ». . . „Грѣхъ и самого демона злѣйшій есть. Понеже и демона демономъ грѣхъ сдѣлалъ, который сначала былъ ангелъ добрый и свѣтлый, но грѣхомъ повредился и потемнѣлъ. (Слово о грѣхѣ.) Но, раскрывая, что такое грѣхъ, Св. Тихонъ виновникомъ грѣха въ человѣкѣ считаетъ діавола, а поэтому онъ бичуетъ и учить бичевать не самого человѣка, а то зло, которое вселилось въ него; „не человѣка убо гони, но злобу и вражду въ человѣкѣ, какъ діавольское изобрѣтеніе, истребить старайся, а о человѣкѣ, какъ ближнемъ твоёмъ, какъ братѣ твоёмъ, какъ единого тѣла мысленномъ удѣ, какъ единыя съ тобою вѣры, какъ единымъ крещеніемъ просвѣщенномъ, какъ единого Бога и Отца имущемъ, сожалѣй и соболѣзнуй. (Слово о любви къ Богу и ближнему, 1 т. стр. . .) Заботясь о нравственномъ преуспѣяніи своихъ и чужихъ, онъ съ особенною силою настаивалъ на правильномъ христіанскомъ воспитаніи родителями своихъ дѣтей, не взирая въ этомъ случаѣ, не на требованія моды, ни на требованія времени, ни на разныя вѣянія съ запада. „Съ болѣзнію и воздыханіемъ видимъ, что многіе дѣти въ юности развращаются. . . Многіе родители научаютъ дѣтей своихъ художествъ, къ временному житію служащихъ, и инѣ иностранныхъ языковъ тщатся научить и не мало суммы на то иждиваютъ; но о христіанскомъ ученіи не брегутъ и по христіански жить дѣтей своихъ научить не радятъ. . . Садовникъ молодое дерево, вновь посаженное, привязываетъ къ колу, въ землю водруженному и утвержденному, дабы отъ вѣтру и бури не исторгнулося отъ земли; и сучки или отрасли негодныя на деревѣ отсѣкаетъ, дабы дерево не повредило и не изсушило. Поступайте и вы тако съ молодыми и малыми вашими дѣтьми. . . Возлюбленніи христіане, явитесь и вы и дѣти ваши на Судѣ ономъ Христовомъ, и за нихъ отвѣтъ дадите Судіи Праведному. Онъ у васъ не спроситъ, учили ли вы дѣтей вашихъ художествъ, учили ли по французски, по нѣмецки, по итальянски говорить, но научили-ли по христіан-

ски жить. («О христiан. воспитанiи дѣтей» изъ краткихъ прав. воуч. словъ).

Въ способѣ изложенiя своихъ мыслей, Св. Тихонъ не соблюдалъ установившихся теоретическихъ правилъ. Нѣтъ у него ни систематизацiи, ни логическихъ построений, логическихъ выводовъ, умозаключенiй, доказательствъ и т. п. Онъ беретъ известную истину или какой—либо предметъ для размышленiя и разсуждаеть о предметѣ такъ, какъ онъ представляется въ его умѣ. Онъ начинаетъ опредѣленiемъ взятаго предмета, а потомъ переходитъ къ его выясненiю. Вотъ, напрѣ, какъ онъ начинаетъ свое слово «о брани между плотiю и духомъ, въ христiанствѣ находящейся»: «всякiй христiанинъ двоякое рожденiе имѣеть, ветхое и плотское, духовное и новое... и одно другому противное. Плотское рожденiе есть плоть, духовное есть духъ... А понеже оба сiя рожденiя другъ другу противны, то отсюда возстаеть сраженiе и брань между плотию и духомъ». (Твор. Св. Тихона, 1 т.) Или еще пишетъ онъ, что такое вѣрво Христа: «правильно ты спрашиваешь, что есть вѣрво Христа Иисуса?... я по силѣ моеи съ помощiю Его отвѣщаю тебѣ... Христосъ убо ради всѣхъ и великую, ради мене, тебе и другаго въ мiръ пришелъ и родился, пострадалъ и умеръ... Отъ сего можешь уразумѣть, что есть истинно и сердечно вѣрвать во Христа, а именно: 1) признавать Его за истиннаго Бога, второе лице Св. Троицы, воплотившагося отъ Св. Богородицы и нескусобратнаго, 2) признавать Его за истиннаго Мессiю, 3) признавать и вѣрвать и имѣть Его всякому вѣрующему за своею Искупителя и Спасителя. (Изъ писемъ келейныхъ: «Что есть вѣрво Христа Спасителя мiра.» т. 5.) Нельзя не обратить вниманiя на одну оригинальную черту въ поученiяхъ Святителя, не упуская изъ виду его первоначальное воспитанiе среди сельской природы. Состоя уже учителемъ и даже епископомъ Св. Тихонъ сохранилъ влеченiе къ созерцанiю природы. Оно особенно выразилось въ бытность его уже на покоѣ. Достаточно въ этомъ от-

ношеніи припомнить хотя то, какъ Св. Тихонъ ѿзидилъ съ келейникомъ въ лѣсъ за дровами. При видѣ того или другаго предмета на пути, былъ ли онъ изъ царства растительнаго, или изъ царства животнаго, Святитель сейчасъ находилъ связь этого предмета съ объектами его богомыслия, переходилъ отъ видимаго предмета къ невидимому, его Виновнику и свойствамъ Его. Вотъ это-то удачное пользованіе природой въ примѣненіи ея къ нашей жизни и составляетъ весьма выдающуюся черту къ изложеніи бесѣдъ Св. Тихона. Во всѣхъ явленіяхъ видимаго міра онъ видѣлъ что—нибудь духовное. Какой—либо случай изъ повседневной жизни давалъ уже для его любомудраго ума духовную пищу. Весь міръ былъ воспитателемъ въ немъ высокихъ и святыхъ помысловъ. Ему наглядно представлялось, что «небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь» (пс. 19). Такъ, напр., говоря о благодѣяніи Божиемъ къ намъ, Святитель подтверждаетъ, что о немъ «вся тварь проповѣдуетъ: проповѣдуетъ солнце, согрѣвая и освѣщая насъ; проповѣдуетъ луна и звѣзды, просвѣщая ночь; проповѣдуетъ воздухъ, сохраняя жизнь нашу; проповѣдуютъ облака, орошая дождь намъ; проповѣдуетъ земля, подая намъ плоды на пищу; проповѣдуютъ травы, врачую болѣзни наши и питая скоть нашъ; проповѣдуютъ скоты, иные одѣвая насъ, иные питая насъ, иные служа намъ. Проповѣдуютъ птицы, иные увеселяя насъ цѣніемъ, иные питая насъ. Проповѣдуютъ воды, напоая насъ и подая намъ рыбу на пищу. Словомъ, вся тварь, на службу нашу созданная, проповѣдуетъ Божіе къ намъ благодѣяніе.» X (Слово о любви къ Богу и о любви къ ближнимъ.) Такими сравненіями и контрастами особенно наполнено его сочиненіе: «Сокровище духовное отъ міра собираемое». Тоже можно видѣть и въ другихъ его трудахъ. «Смотришь на небо, пишеть онъ въ сочиненіи— „Объ истинномъ христіанствѣ,“ такое чудное, высокое и обширное, различными звѣздами украшенное, на солнце и луну сіяющія и

всю поднебесную осіяваюція, на облака въ воздухѣ туда и сюда приходяція и какъ мѣхи дождь точація и напоющія нивы наши. Представляетъ себѣ чувство и разумъ землю съ исполненіемъ ея, съ древесами, травами, скотами, звѣрями, морями, рѣками, источниками и прочимъ украшеніемъ. Отъ видимыхъ перейди умою, отъ созданія міра къ Создателю. Да будетъ тебѣ случай сей удивляться: 1) всемогуществу Бога нашего, Который вся сія изъ ничего словомъ единымъ сотворилъ (Быт. 1 гл.); 2) премудрости Его, Который такъ премудро сотворилъ; 3) благодати Его, который вся сія насъ ради сотворилъ. Такъ размышляющему и отъ созданія Создателя силу, премудрость и благодать познавающему предлежитъ съ псаломникомъ радостно духомъ восхититься и воспѣть. «(О истин. христіанствѣ; случай и духовное отъ того разсужденіе. т. 2. 1875 г.). Или вотъ еще его прекрасныя противоположенія:» Въ христіанствѣ два закона обрѣтаются: законъ ума и законъ удесъ, якоже Павелъ святой изобразилъ... Сіи два закона, законъ удесъ и законъ ума, или плоть и духъ, всегдашнюю между собою брань имѣють; что одинъ хочетъ, отъ того другій отвращается; что одинъ повелѣваетъ, другій запрещаетъ; что одинъ созидаетъ, другій тое раззоряетъ; что плоть избираетъ, отъ того духъ отвращается, и чего хочетъ духъ, того не хочетъ плоть. Плоть хочетъ гордиться, величаться; духъ же хочетъ смиренномудрствовать. Плоть хочетъ въ славѣ и чести быть; духъ же вся сія въ умѣты вмѣняетъ. Плоть хочетъ въ богатствѣ быть, духъ же въ нищетѣ. Плоть хочетъ успокоеваться, а духъ бодрствовать, трудиться. Плоть хочетъ банкетовать, пьянствовать, веселиться, а духъ воздерживаться, постыться, за грѣхи сътовать. Плоть хочетъ врагу своему отщевать, а духъ любить враговъ, добро творить ненавидящимъ, благословить клеветниця. Плоть самому себѣ угождать, а духъ— ближнему во благое. Плоть хочетъ чуждая похищать, а духъ и своя раздавать. Плоть хочетъ во всемъ волю своей послѣдовать, а духъ волю Божіей. И такъ между плотію и духомъ

непрестанная брань. А отъ сяхъ хотѣній противныхъ двоякое возстаетъ мудрованіе или дѣйствіе, плотское и духовное. Плотское мудрованіе есть, когда мудрствуется или дѣлается тое, что плоть хочетъ, а духовное мудрованіе есть, когда мудрствуется тое, что духъ хочетъ. А кто что мудрствуетъ, таковымъ челоѡкомъ называется. «(Изъ слова на Воздв. креста, 1 т.) Это удачное пользованіе явленіями видимой природы для представленія себѣ міра невидимаго было въ Святителѣ слѣдствіемъ глубокаго знанія Св. Писанія и твореній Іоанна Златоуста. Зная наизусть Евангелія, кромѣ того, съ младенчества постоянно пребывая среди природы, Святитель хотѣлъ и въ своихъ бесѣдахъ подражать первоучителю вышними приѣмами. Имѣя въ виду слушателей «простосердечныхъ», Святитель особенно любилъ прибѣгать къ сравненію видимыхъ предметовъ съ отдаленнымъ, невидимымъ, Божественнымъ. Ему казалось, что такимъ образомъ усилѣннѣе можно отвлечь вниманіе слушателей отъ всего земнаго, вещественнаго, плотнаго, къ міру духовному, небесному. Святитель самъ говорить: «сія подобія взятія отъ различныхъ вещей, чувствамъ подлежащихъ, и приложенныя къ невидимымъ, иначе полагаются среди простаго народа, который не можетъ понять ученія о духовныхъ вещахъ. Ничѣмъ бо такъ не изъясняется и понятнымъ дѣлается и въ памяти углубляется ученіе, какъ подобіями тѣхъ вещей, которыя чувствамъ нашимъ подлежатъ и предъ глазами нашими обращаются». („О истин. христіанствѣ“ CXLVI, 2 т.). Показывая пользу обличеній и сравненій видимаго съ невидимымъ, Святитель говоритъ: „видимъ, что и въ свящ. книгахъ премного таковыхъ подобій имѣется, которыми спасительное ученіе изъясняется, и небесныя и духовныя вещи земными и видимыми доказываются, такъ—то слово Божіе съмени, грѣшники—болящимъ, непросвѣщенные благодатію Божіею слѣпымъ, неизвѣстный втораго Христова пришествія день татю, въ нощи приходящему, уподобляются и пр. (тамъ же). Но далѣе онъ самъ говоритъ, что одна вещь

другой не во всемъ бываетъ подобна, «но въ нѣкоторыхъ только свойствахъ», а потому и подобія искать между ними нужно только въ этихъ послѣднихъ. Однако при этомъ одного подобія въ свойствахъ вещей, по Святителю, не достаточно для умственного возвышенія къ міру невидимому, — для этого „требуется размышленіе вѣрою“. Св. Тихонъ котѣль и въ ученіи народа, какъ и въ жизни своей, подражать І. Христу. Это подражаніе выразилось въ изясненіи духовныхъ предметовъ, чрезъ сравненія и сопоставленія ихъ съ видимою природою. Кромѣ этого, изъ примѣра Спасителя Святитель вынесъ для себя и то правило, что онъ, какъ избранный самимъ Богомъ чрезъ архіерейское рукоположеніе, долженъ говорить свое слово «со властію», подтверждая свои мысли словами Св. Писанія, тѣмъ болѣе, что Св. Тихонъ хорошо зналъ его. Отличное знаніе твореній Св. Златоуста оставило слѣдъ на словахъ Святителя. Подобно вселенскому Златоустому учителю Св. Тихонъ ровно относится ко всемъ; онъ ровень ко всемъ, не смотря ни на званіе, ни на положеніе слушателя. Рѣчь его пряма, ската, но мѣстамъ довольно рѣзка. Онъ дѣйствуетъ на непосредственное чувство, на сердце и волю. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «ты кто еси судій чуждему рабу,» обращается онъ ко всякому, осуждающему чужіе грѣхи. «А твоя правда откуда? Въ беззаконіихъ зачатъ еси и во грѣсѣхъ роди тя мати твоя (ис. 50, 7). А ежели что доброе имѣешь, Божіе то есть, а не твое; какъ Богъ отъемлетъ отъ тебе свое, то и ты только будешь свои грѣхи имѣть; такъ вотъ и ты остался такой же грѣшникъ. Ибо человекъ не только сдѣлать, но и помыслить отъ себя ничего добраго, какъ Апостоль научаетъ, не можетъ.» (Слово на Введ. Б. Матери). Или вотъ еще: „вѣруешь Евангелію; да для чего по вѣрѣ твоей не исполняешь написанныхъ въ Евангеліи? Вѣруешь Евангелію, такъ для чего не повинуюешься Евангелію? Вѣруешь, что Богъ вездѣ есть, потому и съ тобою есть не отлученъ, гдѣ бы ты ни былъ, и что бы ты ни дѣлалъ, все зна-

еть до тонка; для чего-жь дѣлаешь тое, что въ присутствіи Божіи крайне не должно дѣлать? Когда предъ монархомъ стоишь со всякимъ почтеніемъ и страхомъ предстоишь ему; такъ и должно; самая бо персона монаршая требуетъ того. Богъ есть великій и страшный Царь, который и душу и тѣло твое въ руцѣ Своей содержитъ; для чего-жь, когда вѣруешь, что Онъ тебѣ присутствуетъ, для чего хотя такожде почтенія и страха не отдаешь Ему, какое почтеніе и страхъ земному царю показуешь; когда ему предстоишь? развѣ сія причина, что земнаго Царя видишь, а Бога не видишь? Правда то, что Бога не видишь, да и видѣть не можно. Не видишь Бога тѣлесными очима, но душевными видишь, когда вѣруешь въ него. Таковая—то вѣра твоя! Вѣруешь, что Богъ праведный судія есть, для чего не трепещешь грѣхами раздражать Его? таковая—то вѣра твоя!» (Слово на Усп. Бож. матери). Въ духѣ Іоанна Златоуста Св. Тихонъ рѣшаетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ. „О коль благополучно жили ли бы все, ежели бы другъ друга взаимно любили! не было бы тогда воровства, разбоевъ, хищенія, убійствъ, обмановъ, не укрѣпляемы бы были для сохраненія имѣній клятвы, не потребны бы были сторожи, не нужны бы были замки, не было бы столько плачущихъ и кровавыя слезы проливающихъ; не слышались бы жалобныя гласы на небо вонющихъ вдовицъ, сиротъ, бѣдныхъ и беззащитныхъ людей; не отягчены бы были судебныя мѣста жалобными челобитными, и т. д. «Ибо и язычницы, не знающія истиннаго Бога и не вѣрующія во Христа, любящихъ любятъ; но нелюбящихъ любить есть дѣло единыхъ христіанъ.» (Слово о любви къ Богу и ближнему. т. 1.). Вотъ примѣръ, замѣчательный и въ ораторскомъ отношеніи. «Иззуй убо и ты, христіанинъ, сапоги отъ ногъ твоихъ, т. е. печаль жетейскую, помыслы суетныя отбрось, когда ты въ домъ Божій пришелъ: мѣсто бо, на немъ-же ты стоиши, земля свята есть. Купецъ, не торгуйся здѣ, не угоривайся о цѣнѣ, не пекись о продажѣ, выбрось изъ голо-

вы твоей лавки, торгъ, товаръ; не купи мѣсто здѣ; здѣ не покупають, ни продають: мѣсто бо свято. Воинъ! не помышляй о ружьѣ, о брани, о побѣдѣ здѣ, не приготовляй къ сраженію себе, не готовься на корабль; не брани мѣсто здѣ: мѣсто бо свято... Поддѣчій и секретарь! не пейся о дѣль твоёмъ, не слагай опредѣленій, не пиши допросовъ; не тое мѣсто здѣ: мѣсто бо... А судія здѣсь не суди, ибо нечего здѣсь судить, нѣтъ здѣсь ссоръ, никто здѣсь не челобитчикъ, не судебное мѣсто сіе: мѣсто бо... А священникъ долженъ быть всему тому образецъ, во всемъ томъ людямъ Божиимъ примѣръ показывать, ибо овъ есть пастырь овцамъ, слѣпымъ вождь, заблуждшимъ наставникъ, о грѣшникахъ молитвенникъ, предстатель о всѣхъ ближайшій, Божій слуга, свѣтъ міру, соль земли, градъ верху горы стояй, свѣтильникъ на свѣщницѣ поставленъ, и для того все сіе ему знать должно. А когда уже отложилъ ты, христіанине, житейское попеченіе, вшедши въ храмъ Господень, то осмотришь, пожалуй, кто ты таковъ и къ кому пришолъ». (Изъ слова на освященіе храма Св. Ап. Петра и Павла). Слово на Рождество Христово еще жише напоминаетъ собою похвальное слово І. Златоуста. Св. Тихонъ говоритъ: «о гласа, всякія радости и веселія исполненнаго: обрѣтохомъ Мессію! Братъ брату, Апостолъ Апостолу; первозванный Андрей теплѣйшему Петру возвѣщаетъ: обрѣтохомъ Мессію. Обрѣтохомъ Мессію, Богомъ самимъ обѣщаннаго; обрѣтохомъ Мессію, пророками проповѣданнаго; обрѣтохомъ Мессію, закономъ и патриархи проображеннаго; обрѣтохомъ Мессію, многими гдѣты съ великимъ желаніемъ ожидааннаго; обрѣтохомъ Мессію, чаяніе языковъ; обрѣтохомъ Мессію, Котораго всѣ, какъ земля жаждущая воды, какъ сѣдѣщій во тмѣ свѣта, какъ въ темницѣ заключенный избавити ся, какъ немощный врача, какъ овцы заблудшіе пастыря, желали»... и пр. (Это слово помещено въ 1-й разъ въ изданіи твореній Св. Тихона, 1 т.). Имѣя въ виду болѣе всего дѣйствовать на душу и сердце слушателей, Св. Тихонъ при-

бѣгалъ къ картинному изображенію предмета, къ предположе-
ніямъ изъ области возможнаго и пр. Таково его картинное
изображеніе страшнаго суда: придетъ сынъ человѣческой во-
славѣ своей и вси св. Ангелы съ Нимъ; придетъ Тотъ Судія
страшный, Который сердца и утробы цепенуетъ, отъ Котораго
гнѣва и ярости вся тварь вострепещетъ, небо потрясется,
солнце во тьму предложится и луна не дастъ свѣта своего;
звѣзды небесныя спадутъ, горы растають и самый адъ поко-
леблется; тогда рекутъ горамъ: падите на ны и холмы по-
кройте ны отъ лица Сѣдящаго на престола и отъ гнѣва агн-
ча. Тогда возвѣщается, что предъ симъ Страшнымъ Судією
соберутся вси языцы и разлучатся другъ отъ друга. Тогда
вѣмъ воображается, что горѣ отверзаются обители Отца Не-
беснаго, являютя чертоги Царя Славы украшенные, предста-
вляетя велія вечера, увеселяющая безконечно, открывається
преславный бракъ агничій; а внизу протекаетъ рѣка огненная,
разверзаетъ адъ уста свои, отворяются темницы вѣчныя, не-
казываются плачевныя мѣста и видится, что идутъ сіи, то
есть грѣшницы, въ муку вѣчную, праведницы же въ живото
вѣчный. Идутъ, но неравно: одни съ плачемъ и рыданіемъ
неутѣшнымъ, другіе съ радостію неизлагодавною. Тогда
покажется, что одинъ поемлется, а другій оставляется; сынъ
поемлется, а отецъ оставляется; жена поемлется, а матеръ
оставляется; рабъ поемлется, а господинъ оставляется; сынъ
отъ отца, жена отъ мужа, дочерь отъ матери, братъ отъ
брата, другъ отъ друга разлучается, и на вѣки без-
конечныя разлучается. (Изъ слова по сыррой
седмицѣ). Или, напр., онъ говоритъ въ словѣ на Вве-
деніе Пресв. Богородицы (на текстъ: „блюдите, како опас-
но ходите“): „и представте мѣловѣка, который бы сядя на
преукрашенномъ престола, имѣя въ рукахъ всѣ удовольствія,
видѣлъ подъ собой воспламеняющійся огонь, надъ главою пре-
острый мечъ, на самой тончайшей ниткѣ повѣшенный и со
всѣхъ сторонъ вооружающихся противъ него. Разсудите, слу-

шатели, въ такой опасности, въ такомъ ужасѣ составляютъ ли всѣ оныя удовольствія и увеселенія спокойство сего человѣка, отсюду смерть: съ верху смерть, съ низу смерть, со всѣхъ сторонъ смерть; сія опасность и страхъ не превозмогутъ ли всѣ удовольствія его? Я, когда такое состояніе человѣка изображаю, описываю тѣмъ состояніе житія нашего: мы всѣ, живущіи на земли, въ такой же опасности находимся, въ какой сей человѣкъ». (Томъ 1, глава 5). Въ одномъ словѣ, желая представить полную гармонію въ видимой природѣ и всегдашнюю покорность ея рукъ Вседержителя, онъ рисуетъ картину, чрезъ которую выясняетъ, что всюду существуетъ полная гармонія, только въ человѣкѣ наблюдается нравственный разладъ. «Взойдите, слушатели, мыслію вашею нынѣ купно со мною, какъ бы на превысокую гору и оттуда, то на пространнѣйшіи небеса, то на обширную землю возводя глаза ваши, посмотрите на весь сей видимый міръ, во единъ союзъ отъ Творителя соединенный. Усмотрите-ль вы въ соединеніи его какое нестроеніе; увидите-ль, что одно свѣтило бранствовало на другое; не паче ли примѣтите можете, что солнце просвѣщаетъ луну, луна обращаетъ свѣтъ свой на землю, звѣзда звѣздѣ помогаетъ къ просвѣщенію, день дневи отрыгаетъ глаголь и ночь ноци возвѣщаетъ разумъ бытія и промышленности Божественнаго. А сіе между созданными тварьми отъ самаго Бога утвержденное соединеніе и союзъ не ясно ли доказываютъ и свидѣтельствуютъ, что одна вещь міра сего создана есть ради пользы другой вещи, и сія другая для третіей, а третія для четвертой, напр., солнце поставлено на высотѣ на тотъ конецъ, дабы освѣщало и согрѣвало всю поднебесную, и ни единая тварь не преступить того предѣла, который имъ вся премудростію сотворивый Богъ непоколебимо положилъ. Единъ разумомъ одаренный и закономъ просвѣщенный человѣкъ не повинуется Божиему закону, дерзновенно преступаетъ Творца Своего заповѣдь». (Слово «о хищеніи», т. 1-й).

Выше уже было сказано, что Св. Тихонъ весьма удачно

пользовался различными примѣрами, сравненіями, сопоставленіями, противоположеніями изъ явленій видимой природы для того, чтобы лучше подѣйствовать на здравый смысл слуша- теля и простое чувство истины. Но онъ, подобно Златоусту, не ограничился для этой цѣли только предметами видимой природы; для него даже вся обыденная жизнь имѣла прямое примѣненіе для объясненія міра и жизни невидимой, духов- ной. Настоящее служило для него тѣмъ или другимъ прооб- разомъ будущаго. Онъ постоянно отъ земнаго возносился къ небесному, отъ чувственнаго, плотскаго къ духовному, и въ этомъ случаѣ Святитель обладалъ необыкновеннымъ даромъ. Напр., земной Царь непремѣнно у него сопоставляется съ Царемъ Небеснымъ: «у Царя земнаго во гнѣвѣ находящіяся тѣлесное только несчастіе претерпѣваютъ, т. е., или казнь смертную, или ссылку, или отъятіе имѣній, или лишеніе чести, или на тѣлѣ наказаніе, или иное какое; а несчастіе то душѣ безвредное, паче же и полезное бываетъ. Ибо чело- вѣкъ тѣмъ можетъ почувствоваться и такъ спасеніе получить вѣчное; у Бога же Царя Небеснаго находящіяся во гнѣвѣ душевному и тѣлесному подпадаютъ несчастію»... (Изъ слова на Новый годъ. 1 гл.). Св. Тихонъ, желая выяснитъ величіе и важность Св. Писанія, сравниваетъ его съ письмомъ земна- го царя, посланнымъ кому либо изъ подданныхъ. «Какъ монархъ земный письмо отъ себѣ къ кому напишетъ, знаете ли вы, съ какою радостію, веселіемъ и услажденіемъ письмо тое читаетъ получившій оное; сколько разъ его прочитываетъ, лобызаетъ, изъ рукъ почти не выпускаетъ, день и ночь тѣмъ утѣшается, сосѣдямъ и друзьямъ тѣмъ хвалится: государь-де мене удостоилъ своимъ писаніемъ. И подлинно, есть чѣмъ и хвалиться, понеже знакъ то есть монаршаго къ рабу своему не малаго почтенія и любви, тѣмъ показуется, что монархъ его паче прочихъ жалуетъ, яко вѣрнаго своего. Монархъ небесный, Богъ и Создатель нашъ, послалъ къ челоуѣку писаніе Свое черезъ проро- ковъ и апостоловъ, какъ письмо къ другу Своему, въ которомъ во-

лю Свою открылъ въ которомъ объявилъ о Себѣ, кто Онъ, и какъ человѣка любить, хранить и къ чему ведетъ, въ которомъ призываетъ его къ Себѣ и въ Свое сообщеніе, общается съ Собою вѣчное царство и неизглаголанную на небесѣхъ радость... (Изъ слова на Введеніе Б. Матери во Храмъ). Или напр., проводя параллель между человѣческимъ судомъ, судьей—человѣкомъ и будущимъ страшнымъ судомъ, Судьею—Богомъ, онъ подробно и наглядно рисуетъ тотъ и другой судъ представленію слушателя. «Страшенъ, возлюбленнѣе, день и часъ оный, въ который Богъ судити будетъ грѣшниковъ. Страшенъ нашъ судъ человѣческой, но несравненно страшнѣйшій судъ Божій. На судъ человѣческомъ судитъ человѣкъ подобный намъ. На судъ ономъ судитъ Самъ Богъ. На судѣ человѣческомъ свидѣтели обвиняютъ или оправдываютъ человѣка; тамо они не нужны, ибо Судія Самъ все знаетъ совершенно. На судѣ человѣческомъ часто лица пріемлются, и богатый нищему и благородный подлому предпочитается, тамо Судія лице не знаетъ, но судитъ по совѣсти и по дѣламъ. На судѣ человѣческомъ часто люди людямъ помогаютъ ходатайствомъ своимъ, какъ то благороднѣе благороднымъ, богати богатымъ, други другомъ; тамо того не будетъ, но вси за себе отвѣтъ воздадутъ. На судѣ человѣческомъ часто краснорѣчіе и хитрость помогаютъ человѣку; тамо онѣ умолкнуть и онѣмѣютъ. На судѣ человѣческомъ предъ немногими обличается и судится человѣкъ, тамо предъ всѣмъ міромъ обличаться и судиться будетъ грѣшникъ. На судѣ человѣческомъ только внѣшнія дѣла судятся; на судѣ ономъ и тайныя помышленія. На судѣ человѣческомъ только злыя дѣла судятся на судѣ ономъ и за праздное слово воздадутъ человѣцы отвѣтъ». (Мѡ. 12, 36). (Слово: о страшномъ Судѣ Христовомъ).

Святитель иногда употребляетъ пріемъ ораторской рѣчи, а именно просопопею. Такъ, напр., сказавши, что Евангеліе изъясняетъ цѣль пришествія на землю Господа нашего І. Христа, Его страданія и смерть, онъ говоритъ при этомъ

какъ бы отъ лица Спасителя: «человѣче! вся сія ради тебе и твоего ради спасенія принять я и претерпѣлъ. Ты же не брежешь о своемъ спасеніи; не брежешь, яко не хочешь каяться и отъ грѣховъ преставши, кровію Моею пользоваться и оживитися. (Изъ слова о воплощеніи Сына Божія, 1 т.). Или: «грѣшникъ, ты разоряешь законъ Мой и отвергаешь словеса Моя велятъ; и думаешь, что тебѣ все сіе пройдетъ безъ наказанія и Я того не взыщу. «Чего ради противъвалъ нечестивый Бога, рече бо въ сердцѣ своемъ: не взыщеть». (Пс. 9, 34). Нѣтъ, нѣтъ, не тако будетъ, какъ ты незаконно мечтаешь и ласкаешь себе. Всего Я, что ты ни дѣлаешь, взыщу, и вси незаконныя твоя дѣла, слова, помышленія, начинанія, замыслы и поступки представлю предъ тобою. Вотъ, ты, грѣшникъ, тое и тое дѣлалъ и говорилъ, и тако законъ Мой вѣчный и ненарушимый разоралъ, и словеса устъ моихъ словеса святая презиралъ и поипралъ». («О страшномъ Судѣ Христовомъ» изъ кратк. нравоучит. словъ). Святитель, влагая въ божественныя уста Христа Спасителя свои собственныя слова, нисколько не нарушалъ этимъ гармоніи въ рѣчахъ Спасителя, записанныхъ въ Евангеліи. Встрѣчаются очень искусныя метафоры въ рѣчахъ Святителя. Напр., поставивши хищнику образцомъ Евангельскаго Закхей въ дѣлѣ спасенія души, Святитель говоритъ: «но ежели прелестный сей міръ или плоть ласкательствующая не допускаетъ тебя до сего, такъ ты возьми мечь непоколебимаго намѣренія и разсѣки истиннымъ покаянiемъ нерѣшимый сей узелъ грѣховъ твоихъ. Отдай всѣмъ все, у кого ты неправедно что ни присвоилъ» (Изъ словъ «о хищеніи»).

Св. Тихонъ какъ проповѣдникъ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей П. Палицынъ. Юля 15 дня 1884 года.

Воронежъ. Въ типографіи В. И. Псаева